

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-402-409

УДК 821.16.1

Функции антропонимов в поэтике романов Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки»

Л.Г. Кихней, А.Г. Сильчева

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
Российская Федерация, 111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21

В статье рассматривается функция антропонима «Сильва» в двух романах Дины Рубиной: «Белая голубка Кордовы» (2009 г.) и «Синдром Петрушки» (2010 г.). Имя «Сильва» повторяется в текстах этих произведений, его носят два персонажа — в первом романе женщина, во втором мужчина, и функции двух персонажей схожи. Анализ сюжета и деталей описания героев позволил установить сходство функций: Сильвы выполняют роль помощников, которые дают возможность главным героям «прийти к себе», «выявить истинного себя», «найти себя». Романы «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки» входят в трилогию «Люди воздуха», общей темой которой является описание жизни людей, наделенных необыкновенными способностями. Персонажи, носящие имя «Сильва», способствуют своего рода компенсации этой способности: их появление в жизни героев позволяет последним получить шанс на обретение иной, «нормальной» жизни.

Образы Сильвы вводят в тексты романов мотивы «чужого имени», «чужого ребенка» и в целом взаимоотношений ребенка с отцом. Несмотря на эпизодическое появление Сильв в тексте, оба героя концентрируют в себе мотивы, связанные с судьбой самого главного героя, трагическим или счастливым финалом романа. Имя «Сильва» связывает тексты романов Д. Рубиной с опереттой «Сильва», сюжетные линии которой также обыгрываются в судьбах героев «Белой голубки Кордовы» и «Синдрома Петрушки».

Ключевые слова: роман, мотив, реализм, Дина Рубина, антропоним, постмодернизм, ин-тертекстуальные связи

Романы Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» (2009 г.) и «Синдром Петрушки» (2010 г.) наряду с романом «Почерк Леонардо» (2008 г.) входят в трилогию «Люди воздуха». Связующим мотивом трех произведений является фигура протагониста — неординарного человека, наделенного сверхъестественными, уникальными способностями. У второго и третьего романа трилогии есть еще одна общая черта: в обоих произведениях присутствует эпизодический персонаж, носящий имя «Сильва», причем в «Белой голубке Кордовы» это имя берет себе сумасшедшая женщина, чье настоящее имя так и остается неизвестным, а в «Синдроме Петрушки» так зовут мужчину, который, в отличие от героини «Белой голубки Кордовы», носит имя «Сильва» официально.

Сильва из «Белой голубки Кордовы» — своего рода маркер винницкого детства Захара, его ярчайшее воспоминание: «Да, Сильва... Открытие нового моста, ве-

сеннее половодье, свинья, плывущая на льдине, грязный и мокрый свет... Все-таки странно, что от детства и отрочества самой яркой открыткой осталась именно эта фигура. Мама рассказывала, что Сильва — бывшая примадонна заезжей оперетты, которой изменил ее любовник, какой-то таинственный полковник (царской армии? незначительное смещение во времени). Изменил, потом застрелился. После чего Сильва спятила и на веки вечные осталась в небольшом городе Винница. В любую погоду ходила закутанной в дюжину рваных крестьянских платков, стоя мочилась на улицах, а все свои не очень длинные монологи начинала с неизменного: «Цар вкрал у Пушкина жыну» [4. С. 16].

С музыкальным театром связан и Сильва-мужчина из «Синдрома Петрушки»: при первом появлении он описан как «оперной красоты мужик», да и сама история его странного имени также напоминает сюжет оперы: «Сильва Жузеппович Морелли (именно так) был сыном черноглазой вертихвостки из итальянской дипломатии, эвакуированной в Куйбышев в годы Великой Отечественной войны» [5. С. 20]. Брошенный матерью мальчик-итальянец вырос в России, никогда не имел никакой связи со своими итальянскими родителями и сохранил только необыкновенное имя.

Первая особенность, роднящая двух персонажей-Сильв: оба они носят не свое имя (несмотря на диковинное имя Сильвы-мужчины в паспорте). У Сильвы-примадонны имя, скорее всего, является сценическим псевдонимом, взятым в честь одноименной оперетты. Сильва-мужчина — чистокровный итальянец по происхождению, из краткого описания его истории следует, что и мать, и отец (отчество Жузеппович) были итальянцами. Однако в итальянском языке отсутствует мужское имя Сильва, но если бы оно было, то, скорее всего, оканчивалось на -о (как Марио, Стефано, Антонио и пр.). Мальчика могли назвать Сильвио либо Сильвано, однако, видимо, дальнейшие обстоятельства его непростой жизни — сиротство, детский дом, послевоенное детство — привели к неверной записи в документах по созвучию с названием популярной оперетты (собственно, и отчество «Жузеппович» теоретически должно звучать хотя бы как «Джузеппович»). Любопытно, что превращение мужского имени в женское (героиня оперетты «Сильва» — женщина, и, таким образом, получается, что мальчик, названный по ошибке женским именем, всю жизнь с ним живет) накладывает отпечаток и на личную жизнь Сильвы — при своей эффектной мужественной внешности он имеет какие-то «эндокринологические проблемы», которые в романе не раскрываются подробно.

«Не свое имя» — значимый момент истории самой оперетты «Сильва», которая носит название «Королева чардаша», однако в России традиционно ставится под названием «Сильва». Первая постановка этой оперетты состоялась, когда Российская империя пребывала в состоянии войны с Австро-Венгрией, и всякое упоминание о противнике — в том числе о венгерском танце «чардаш» — старались нивелировать. В дальнейшем название «Сильва» прижилось, но под таким названием эту оперетту ставят только в России. Таким образом, Дина Рубина использует отсылку к прецедентному тексту, истории этого текста, характерную для поэтики постмодернизма [2]. С Сильвами в романы Рубиной входит тема

«чужого имени», достаточно подробно раскрытая в «Белой голубке Кордовы»: Захар Кордовин, занимающийся подделками картин, подписывает свои произведения чужими именами, и последний его шедевр, псевдо-Эль Греко, переделанный из картины неизвестного испанского художника, он как бы отбирает у своего тезки Заккариаса Кордоверы, а в ответ «дарит» ему портрет Пилар. Практически все, созданное Кордовиным, подписано не его именами, а единственный его авторский цикл рисунков, созданный еще в студенческие годы, был безжалостно раскритикован приемной комиссией. Рисунки воспроизводили сценки винницкого детства Захара — и неизменную Сильву, изображение которой было подписано понятным Захару, однако абсолютно непонятным остальным названием «Цар! Вкрал! У Пушкина! Жану!».

Этот цикл рисунков высоко оценил бес-искуситель Захара Кордовина, коллежник Босота, прекрасно понимавший масштаб таланта юного художника. Сильва, таким образом, сыграла важную роль в судьбе юноши: хотя он практически не общался с ней, ее образ сопровождает «настоящего» Захара — мальчика, еще не ставшего гениальным фальсификатором, и Захара-художника, создателя авторских картин.

Сильва из «Белой голубки Кордовы» — сумасшедшая, чей псевдоним превратился в ее имя (а настоящее имя героини романа так и не знают), полностью опустившаяся и в итоге умирающая от любви на могиле якобы изменившего ей любовника. В ее судьбе отражаются значимые моменты судьбы самого Захара Кордовина: он также подписывает свои творения «чужими именами» — именами других, известных и значимых художников, и он также гибнет из-за очень давней истории, связанной опять-таки с картиной, подписанной чужим именем.

Сильва из «Синдрома Петрушки» тоже появляется в тексте эпизодически, однако играет важную роль в избавлении семьи Петра и Лизы от родового проклятия — рождения мальчиков с синдромом Ангельмана, «синдромом Петрушки». Именно Сильва после поминок по Людвиге, тете Лизы, рассказывает Петру о Корчмаре — «беременном идоле». Этот идол — кукла с открывающимся животом и небольшой куколкой с рыжими волосами внутри — является семейной реликвией Лизы, которая считалась потерянной. Женщины из семьи Лизы верят, что Корчмарь помогает забеременеть девочкой, не подверженной генетической аномалии, и сестра Людвика крадет Корчмаря, который, однако, не приносит ей счастья. Людвиге удастся родить здоровую дочь, но та гибнет в юном возрасте. Корчмарь много лет валяется в сарае, пока Сильва не отдает его Петру, и впоследствии появление Корчмаря в семье помогает Лизе забеременеть. Сильва Жуппович оказывается в данном случае своего рода концентрацией противоположностей, антиподом главных героев — подчеркивается его крупность, избыточность по сравнению с миниатюрностью Лизы. Герой Сильва из «Синдрома Петрушки» в целом менее загадочен и трагичен, чем сумасшедшая примадонна: хотя он и лишен плотских радостей любви, это не мешает ему с упоением пить и есть, и при описании его внешности неизменно подчеркивается избыточная витальность: массивный торс легионера, римский профиль, копна волос и пр. Сильва громок, ярок, внушителен, общение с ним утомляет. При этом пунктирно упо-

минается о его важной роли помощника: он практически полностью брал на себя заботу о Людвике, полностью занялся хлопотами по продаже квартиры после ее смерти.

Тема «чужого имени» в данном случае решается иначе: если в случае Сильвы-женщины речь идет, скорее всего, о псевдониме (что находит отражение в работе Захара Кордовина под многочисленными псевдонимами), то в случае Сильвы-мужчины, вероятно, произошло лишь небольшое искажение имени, смена огласовки. Это также находит отражение в мотивах романа «Синдром Петрушки»: различная огласовка имен героинь — Лиза, ее двойник кукла Эллис, другой разделенный с ней по времени двойник — Элиза, укравшая Корчмаря и пр. Антропоним тем самым представляет своего рода «свернутую» формулу судьбы героя — причем не только его носителя, но и тех героев, для которых Сильва выполняет функцию помощника.

Оба Сильвы в обоих произведениях помогают героям вернуться «к себе». Носящие не свое имя и даже не знающие об этом, несчастные люди — оба они брошены (Сильва Жузеппович родителями, Сильва-примадонна полковником), не имеют нормальной семьи и устоявшегося быта, однако участвуют в судьбе главных героев и как бы играют роль проводников, выводящих их на верную дорогу. Захар Кордовин, впрочем, все равно в итоге сбивается с этого пути, перестав создавать картины, подписанные его собственным именем. Лиза же, напротив, достаточно упорна в своем желании построить нормальную семью, и ее беременность дочерью, о которой сообщается в конце романа, — это своего рода обещание нормальной, обычной жизни, существования семьи, в которой есть мать, отец и ребенок.

Значимость героев с именем Сильва помогает понять и обращение к самому сюжету одноименной оперетты. Певица Сильва помогает узнать аристократу Эдвину, что он и сам — сын певицы из варьете, давая ему тем самым возможность обрести мир в семье и истинную любовь: оперетта заканчивается счастливым объединением двух влюбленных и признанием семьи. Сильва из «Синдрома Петрушки» также косвенно способствует расследованию истории семьи и выяснению новых обстоятельств: находка Корчмаря вынуждает Петра обратиться к профессору, хозяину большой коллекции кукол, от которого он и узнает легенду о происхождении «беременного идола».

Сильва-женщина из «Белой голубки Кордовы» не отличается красноречием: в романе неоднократно цитируется только одна ее фраза — «Цар вкрал у Пушкина жыну» и упоминается, что при попытках расспросить, какую жену, она отвечает «Наталку Гончарову», — то есть, речь идет о реальной жене Пушкина. Мысль, высказанная Сильвой, может быть отсылкой к реальной ситуации: после смерти Пушкина царь Николай I взял вдову на свое обеспечение [6]. Впрочем, скорее всего Сильва имеет в виду другое: слух о любовной связи Николая I и Натальи Николаевны Пушкиной [1]. О Сильве из «Белой голубки Кордовы» известно немного, однако можно предположить, что она интересуется вопросами любви и измены в силу особенностей своей биографии. В расследовании истории Натальи Гончаровой и царя Николая I Александром Зинуховым высказано предположе-

ние, что младшая дочь Пушкина, Наталья, была дочерью императора. Мотив воспитания не своего ребенка, к которому отсылает любимая фраза Сильвы, находит отражение и в биографии самого Захара (его воспитывает дядя, затем тетя, и в дальнейшем взрослому Захару так и не суждено воспитывать своих сыновей). Это вводит в романы Дины Рубиной обширную тему потери детей, широко представленную в литературных и мифологических архетипических сюжетах [3].

Таким образом, можно сказать, что оба персонажа-Сильвы из двух романов Дины Рубиной имеют ряд общих черт: это персонажи-проводники, появляющиеся эпизодически, однако играющие важную роль в жизни главного героя. В обоих случаях Сильва становится предвестником «настоящего» в противоположность «фальшивому, игрушечному» — Сильва появляется на картинах Кордовина, которые он делал от своего имени, и Сильва же способствует появлению у Петра и Лизы настоящего младенца — живого человечка в окружающем их мире кукол.

Поскольку хронологически «Белая голубка Кордовы» создана раньше, чем «Синдром Петрушки», следует предположить, что Сильва-мужчина создан автором уже «по следам» Сильвы-женщины, и во втором романе отчетливее проявляется его функция проводника, помогающего героям обрести то, чего лишен он сам. Функция помощи, как в сказке, осуществляется через некий артефакт — Корчмаря.

Главные герои «Людей воздуха» — наделенные неординарными способностями люди, которым «тесно» в обычных рамках, трудно ужиться с ограниченными, обыкновенными друзьями и знакомыми. Одаренная Анна трагически погибает, совершая своего рода самоубийство, — ее проезд по мосту над заливом был добровольным. Абсолютное исчезновение тела, вещей, мотоцикла намекает на мистическую развязку, переход в некую «зеркальную» вселенную, однако с точки зрения персонажей романа Анна погибла. Герой следующего романа, Захар Кордовин, растрчивает свой дар художника на создание гениальных подделок, вовлекая в преступные дела своих друзей, но ему удастся эпизодически, проблесками обрести свою живую манеру, свой голос — и роль Сильвы в этом немаловажна (как и в осуждении его юношеских картин комиссией — особое неприятие вызывает название «Цар! Вкрал! У Пушкина! Жану!», которое комиссия не понимает и не принимает). В итоге Захар так и погибает гениальным копиистом, не сумевшим (или не захотевшим) реализоваться как гениальный художник. Петр из «Синдрома Петрушки» занят любимым делом, он увлекается кукольным театром и с детства занят куклами, его трагедия в другом: ему трудно выстроить отношения с женой и зачать с ней здорового ребенка [7]. Сильва из «Синдрома Петрушки» с легкостью решает обе проблемы, вернув Лизе ее фамильную куклу «с секретом».

Интересен выбор имени для помощника — Сильва. Имя это, прежде всего, ассоциируется с «Королевой чардаша», опереттой со счастливым финалом: ее либретто даже носит название «Да здравствует любовь!». Следует отметить важный мотив, который позволяет говорить об отсылке к «Сильве» именно как об обещании счастья и взаимной любви. В «Сильве» важную роль играет отец: именно князь Волапук препятствует взаимной любви Эдвины и Сильвы и затем в конце

смягчается и благословляет их брак. В «Белой голубке Кордовы» главный герой не имеет отца: мать скрывает от родственников, от кого именно она забеременела. В «Синдроме Петрушки» и Петр, и Лиза испытывают зловещее влияние отцов: отца Лизы называют «людоедом», его действия провоцируют самоубийство матери Лизы, бегство сестры, а затем и бегство самой Лизы. Отец Петра — насмешник, калека, гибнущий в драке и аттестуемый учителем Петра как потусторонняя фигура.

Образы двух тезок-Сильв, таким образом, позволяют выявить комплекс важных мотивов в текстах романов Дины Рубиной: мотивы «чужого имени», «чужого ребенка», взаимоотношений отцов и детей и включения текстов произведения в более широкий культурный контекст — обращение к оперетте, биографии Пушкина и другим источникам.

© Кихней Л.Г., Сильчева А.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Зинухов А.И.* Медовый месяц императора. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/857/> (дата обращения: 10.10.2018).
- [2] *Коваленко А.Г.* Литература и постмодернизм: учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2004.
- [3] *Кононова Н.О., Темиршина О.Р.* «Отчаянные романтики»: эволюция мифа об Аиде и Персефоне от греков к праерафаэлитам и А. Белому // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 3. С. 255—267.
- [4] *Рубина Д.* Белая голубка Кордовы. М.: Изд-во «Э», 2008. 624 с.
- [5] *Рубина Д.* Синдром Петрушки. М.: Изд-во «Э», 2017. 512 с.
- [6] *Руденко И.В.* Пушкин и Романовы. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26088.4/2989291/> (дата обращения: 10.10.2018).
- [7] *Шафранская Э.Ф.* Синдром голубки: мифопоэтика прозы Дины Рубиной. СПб., 2012. 400 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 августа 2018

Для цитирования:

Кихней Л.Г., Сильчева А.Г. Функции антропонимов в поэтике романов Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 402—409. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-402-409

Сведения об авторах:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. Контактная информация: e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Сильчева Алина Георгиевна, аспирант факультета журналистики, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. Контактная информация: e-mail: alinka-krasulka@mail.ru

Functions of the anthroponyms in the novels by Dina Rubina “Belaya golubka Kordovy” (The white dove of Cordoba) and “Sindrom Petrushki” (The Punch Syndrome)

L.G. Kikhney, A.G. Silcheva

Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov
21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024, Russian Federation

The article is devoted to the anthroponym function of the name “Silva” in two novels by Dina Rubina: “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”, 2009) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”, 2010). The name “Silva” is repeated in the texts of these works and there are two characters which have it — in the first novel it’s a woman, in the second one it’s a man and the functions of these two characters are similar. The plot analysis and the character details comparison allows us to see the function homology: Silvas help to the main characters to “come to themselves”, “see themselves as are” and to “find themselves”. The novels “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”) are the parts of the trilogy “Lyudi vozdukha” (“Air people”), the main theme of which is the description of the people who have unusual characteristics. The “Silvas” characters help to the main character to compensate this “unusuality” and to have a chance for a “normal” life.

The images of Silvas take to the text the motives of “alien name”, “alien child” and the theme of father-child relationship. Besides the episode function of the “Silvas” both characters concentrate in themselves the motives which are communicated with the fate of the main hero, tragic or happy final of the novel. The name “Silva” also has an intertextual communication with the “Silva” (“Chardash Queen”) operetta, the plot of which is also used in the novels “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”) by Dina Rubina.

Keywords: novel, motive, realism, Dina Rubina, anthroponym, postmodernism, intertext

References

- [1] Zinukhov A.I. *Medovyy mesyats imperatora* [The honeymoon of the emperor]. <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/857/> (date of address: 10.10.2018).
- [2] Kovalenko A.G. *Literatura i postmodernism. Uchebnoe posobie* [The literature and postmodernism. The manual for the students]. Moscow: RUDN Publ., 2004.
- [3] Kononova N.O., Temirshina O.R. “Otchayannye romantiki”: evolutsiya mifa ob Aide i Persefone ot grekov k preraphaelitam i A. Belomu [“The desperate romantics”: the evolution of the myth of Aid and Persephone from the Greeks to the pre-Raphaelites and Andrey Belyi]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2018. No. 3. Pp. 255—267.
- [4] Rubina D. *Belaya golubka Kordovy* [The white dove of Cordoba]. Moscow: Izdatelstvo “E”, 2008. 624 p.
- [5] Rubina D. *Sindrom Petrushki* [The Punch Syndrome]. Moscow: Izdatelstvo “E”, 2017. 512 p.
- [6] Rudenko I.V. *Pushkin i Romaniovy* [Pushkin and Romanovs]. <https://www.samara.kp.ru/daily/26088.4/2989291/> (date of address: 10.10.2018).
- [7] Shafranskaya E.F. *Sindrom golubki: mifopoetika prozy Diny Rubinoi* [The dove syndrome: the mythopoetics of the prose by Dina Rubina]. Saint Petersburg, 2012. 400 p.

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 5 August 2018

Accepted: 10 August 2018

For citation:

Kikhney L.G., Silcheva A.G. (2018). Functions of the anthroponyms in the novels by Dina Rubina “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 402–409. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-402-409

Bio Note:

Kikhney Lyubov' Gennadyevna, Doctor of Philology, Professor, Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov. *Contacts*: e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Silcheva Alina Georgievna, PhD student, Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov. *Contacts*: e-mail: alinka-krasulka@mail.ru